

Когнитивная полифазия как стратегия преадаптации к социальным изменениям*

Д. А. Хорошилов

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., 6

Для цитирования: Хорошилов Д. А. Когнитивная полифазия как стратегия преадаптации к социальным изменениям // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 2. С. 161–171. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.205>

В статье анализируется механизм когнитивной полифазии, рассматриваемый в контексте теории социальных представлений С. Московиси. В социальном мышлении сосуществуют часто несовместимые познавательные установки, входящие друг с другом в динамические отношения. Работу когнитивной полифазии можно проследить на примере двоемыслия в истории советской повседневности. Двоемыслие считается характеристикой не только индивидуального, но и общественного, массового сознания (Дж. Оруэлл), что позволяет провести различия с понятиями амбивалентности (З. Фрейд), двойных посланий (Г. Бейтсон), а также когнитивного диссонанса (Л. Фестингер). На примерах из советской истории и культуры доказывается следующее положение: двоемыслие является практикой конструирования субъекта социального познания и поведения в условиях авторитаризма и тоталитаризма. Кристаллизацией советского опыта двоемыслия могут служить дневники писателя Ю. М. Нагибина. Но двоемыслие воспроизводится и в постсоветской России, что хорошо видно из социологической дискуссии о «человеке советском» (*Homo Sovieticus*). Если сторонники научной школы Ю. А. Левады и Л. Д. Гудкова считают, что имплицитная модель человека, конструируемая в советской повседневности, является достаточно устойчивой и воспроизводимой от сталинского времени вплоть до наших дней, то новые исследования миллениалов, проведенные в Высшей школе экономики В. В. Радаевым, обнаруживают различия между поколенческими группами россиян по ряду ценностных характеристик, касающихся как образа жизни, так и восприятия окружающего мира. Конкурирующие интерпретации проблемы «человека советского» объединяются, по мнению автора статьи, с помощью психологического понятия когнитивной полифазии. Двоемыслие как конкретно-историческая форма когнитивной полифазии обладает прежде всего прогностической функцией: спонтанное порождение ярких образов в культуре и искусстве, имеющем «неофициальный» и даже маргинальный статус, как в авангарде 1920-х и постмодернизме 1990-х гг., обладает преадаптационным потенциалом к будущим социальным изменениям и кризисам.

Ключевые слова: двоемыслие, «человек советский», когнитивная полифазия, социальные представления, преадаптация к неопределенности.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-04-60072 «Психологические и социальные детерминанты негативных последствий пандемии: системный анализ роли факторов долгосрочной индивидуальной и социальной комплаентности населения в минимизации ущерба от коронавирусной инфекции».

Мышление противоположностями и когнитивная полифазия

В интеллектуальной истории проблема мышления противоположностями восходит еще к даосизму и античной диалектике, средневековой (Н. Кузанский) и немецкой классической философии (Г. Гегель). На актуальном этапе развития постмодерна и метамодерна вслед за французским философом Э. Мореном (E. Morin) принято говорить о «сложном мышлении», синтезирующем антиномии в целостное знание (Гусельцева, 2018). Принцип совпадения противоположностей является, в сущности, универсальной характеристикой сознания первобытного и современного человека: как показано в исследованиях К. Леви-Стросса по мифологии, функция мышления на протяжении всей истории заключается в категоризации окружающего мира с помощью бинарных оппозиций (Леви-Стросс, 2008).

В дисциплинарных границах социальной психологии мышление антиномиями или противоположностями концептуализируется с помощью понятия *когнитивной полифазии*, используемого сторонниками теории социальных представлений С. Московиси (S. Moscovici) (Бовина, 2010; Емельянова, Исраелян, 2021). Уже в классическом исследовании представлений о психоанализе Московиси обращает внимание на динамическое сосуществование разных точек зрения на одно и то же социальное явление, которые пребывают во взаимодействии друг с другом и соответствуют определенным отношениям человека и окружения, группы, идентичности и контекста (Moscovici, 1976).

Социальные представления конструируются не по принципу снятия когнитивного диссонанса, а по принципу поддержания когнитивной полифазии как «состояния, в котором различные способы рассуждения сосуществуют в одной и той же группе и даже в одном индивиде» (Jovchelovitch, Priego-Hernandez, 2015, p. 167). Структуру социальных представлений образуют противоположности: обыденные убеждения и научные знания, иконические (визуальные) и концептуальные элементы, архаика и современность и т. д., которые могут находиться в отношениях гибридизации, замещения или избирательного распространения. Когнитивная полифазия является стратегией преадаптации к условиям социальных изменений и кризисов, распада социального консенсуса, что прослеживается на примере советского двоемыслия. Главная цель дальнейших рассуждений — раскрыть эвристичность психологического понятия когнитивной полифазии в исследовании общества и культуры.

Двоемыслие как историческая форма когнитивной полифазии

Понятие двоемыслия (doublethink) было впервые введено в классическом романе Дж. Оруэлла «1984», где оно определялось как психологическая способность одновременно придерживаться двух противоречащих высказываний. Двоемыслие рассматривалось этим писателем в качестве особой когнитивной и мнемонической стратегии обмана социальной реальности: «...партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, сознает, что мошенничает с действительностью; однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна» (Оруэлл, 1989, с. 148). В психологии неоднократно использовались семантически сходные понятия амбивалентности (З. Фрейд), двойных посланий (Г. Бейтсон (G. Bateson)) и когнитивного диссонанса

(Л. Фестингер (L. Festinger)), однако все они относятся прежде всего к уровню индивидуальной, а не социальной психологии. Для Оруэлла существенно, что двоемыслие является механизмом согласования индивидуального и общественного сознания в условиях авторитаризма и тоталитаризма.

Двоемыслие нередко служит символическим обозначением истории сталинской и позднесоветской повседневности; достигшее перед перестройкой апогея, возможно, оно стало одной из социально-психологических причин распада СССР. Общество и культура советского периода организованы вокруг принципа двоемыслия, ярким доказательством чему явилась публикация дневников Ю. Нагибина, которые моментально приобрели скандальную известность. В дневниковых записях просматривалось трагическое расхождение между образом эталонного советского писателя и его запутанной личной жизнью, с добавлением жесткой и критической оценки коммунистической идеологии. «Существовал ли еще когда такой феномен, чтобы власть лезла к гражданам в душу, мозг, распорядок дня, чтение, постель, в задницу, наконец, и чтобы народ при этом настолько ее игнорировал, не замечал и не принимал всерьез?.. Мы так привыкли к лжи, что не верим в объективную реальность чего бы то ни было, кроме собственного быта, которого тоже нет. Вот уж воистину: “Мы живем, под собою не чуя страны”» (Нагибин, 1996, с. 542, 543). Подобно другим мемуарам, опубликованным в 1990-е гг., дневник Нагибина — воплощение поиска собственного места в истории через предание гласности интимных подробностей, которые становятся знаками коллективной судьбы человека XX столетия (Паперно, 2021).

Как полагает А. Юрчак, члены авторитарного и тоталитарного общества должны притворяться в публичном пространстве, будто они поддерживают официальные лозунги и идеологические представления, в действительности относясь к ним негативно; видимая поддержка власти является ролевой маской, за которой прячется «аутентичный» субъект (Юрчак, 2014). Юрчак анализирует ключевые теории и стоящие за ними конструкты, так или иначе объясняющие феномен «двойственного» социального познания и поведения: мимикрии, притворства (диссимуляции) и раздвоенного сознания. Перечисленные теории исходят из философского допущения о существовании якобы «истинного» доязыкового субъекта. С точки зрения социального конструкционизма последний формируется только в дискурсе, который делает возможным и легитимным двоемыслие в структуре личности. Двоемыслие становится перформативной практикой относительно субъекта (Юрчак, 2014).

Двоемыслие является психологическим механизмом попеременного переключения из официального мира в индивидуальный частный мир: комсомолец поднимает руку для участия в ритуализированном единоголосном голосовании и при этом читает под партой Солженицына (Хархордин, 2002). Функция двоемыслия здесь — психологическая защита от тотальной власти, проникающей в сферы частной и публичной жизни, и адаптация к советской идеологии через дистанцирование от нее (по мере возможности, разумеется). На языке классической социальной психологии речь идет о таком варианте конформного поведения, как публичное согласие с нормативным мнением большинства при сохранении личного несогласия (Ойстер, 2004). Дискурсивная практика двоемыслия как «ложь во спасение души» или «сделка с дьяволом» сама имела весьма неоднозначный эффект: она и создавала альтернативные возможности жизни вне официальных идеологических норм и предписаний, и вместе с тем служила опорой монолитной советской системы.

Поэтому в 1970-е гг. в СССР стали функционировать две культуры — официальная (разрешенная и санкционированная правительством) и неразрешенная, маргинальная; такое раздвоение стало символом открытого сопротивления человека советскому обществу (Фирсов, 2008).

Психологический эффект установления двоемыслия — как практики балансировки между личностными смыслами и идеологическими значениями (обращение к терминам А. Н. Леонтьева не является случайным) — постоянное внутреннее напряжение, которое фрагментарно изучается в исторической психологии (Соколова, 2021). Кристаллизацией этого напряжения стал фильм «Астенический синдром» К. Муратовой, снятый за два года до распада СССР и показывающий повседневность людей, истощенных и прекарных, на фоне распадающейся советской социальности. Рассогласование внешнего и внутреннего следует считать характерной чертой киноантропологии Муратовой (Ямпольский, 2015). Ее узнаваемый стиль — символическое отражение посткоммунистических трансформаций.

Феномен двоемыслия нашел свое отражение в истории отечественной психологии, правда, в закамуфлированном виде: терминологической разработки проблемы сознания и его структуры. На полях отметим, что психологи в нашей стране уделяют мало внимания социокультурной детерминации понятий, терминов, категорий, бытующих в науке на том или ином историческом этапе ее развития. Редким исключением из этого правила служат исследования Н. С. Бурлаковой и В. И. Олешкевича, в которых методология культурно-исторического анализа применяется к теориям и концептуальному аппарату клинической психологии и психотерапии (Бурлакова, 2012; Бурлакова, Олешкевич, 2011).

Как дискурсивная практика двоемыслие интернализируется в структуру сознания «человека советского» (*Homo Sovieticus*). Л. С. Выготский в поздних работах предлагал рассматривать личность как драму, столкновение различных идей и социальных ролей, определяющих конфликт мышления и страсти, интеллекта и аффекта в иерархии высших психических функций (Выготский, 2005; Ярошевский, 2007). Леонтьев — вслед за Выготским — разворачивает динамику сознания как драму общекультурных значений и личностных смыслов, которые не совпадают друг с другом, а средством их гармонизации выступает искусство. Смыслы «не могут высказать себя» в адекватных значениях, будучи «лишенными своей жизненной почвы и поэтому иногда мучительно дискредитирующими себя в сознании субъекта» (Леонтьев, 2005). А. Н. Леонтьев также пишет о дезинтеграции значений и смыслов в сознании «буржуазного» общества как о следствии противоречия интересов конкурирующих групп при декларируемой общей системе значений (Леонтьев, 2003). Не является ли данное расхождение личностных смыслов и значений «на Западе» проекцией ментальности советского общества, в котором Леонтьев жил и работал, примиряя в своей научной деятельности психологию и идеологию?

Отчетливо театральные метафоры в психологических концепциях Л. С. Выготского («личность как драма») и А. Н. Леонтьева («сознание как драма») можно интерпретировать как производные от советского социального устройства, заставлявшего граждан «играть на двух полях»: официальной коммунистической идеологии и частной жизни, свободной от партийного диктата (ср. с разделением «культуры-1» и «культуры-2», произведенным на материале советской архитектуры (Паперный, 2000)). Начиная с революции 1917 г. театр стал неотъемлемой со-

ставляющей сталинского стиля («сталинского ампира»), в контексте которого создавался всеобъемлющий симулякр повседневности, а материальное постепенно заменялось символическим (Лебина, 2015). Тем самым научный язык Выготского и Леонтьева воспроизводит имманентный конфликт «реальности» и «кажимости» советской социальности, перформативный относительно субъекта познания, конструируемого в их психологических концепциях.

Если для культурно-деятельностной психологии двоемыслие, рассматриваемое как расхождение значений и смыслов, обнаруживает драматичность существования личности и самосознания человека, то для сторонников теории социальных представлений данный феномен уместно интерпретировать как конкретно-историческое проявление когнитивной полифазии, сосуществования разных мнений и суждений относительно социокультурной реальности в ситуации ее разделения или кризиса. Двоемыслие с данной позиции является универсальным феноменом индивидуального и общественного, массового сознания, который по каким-то причинам усиливается в той или иной исторической эпохе (которую мы обозначаем категориями неопределенности, текучести, транзитивности) и выполняет функцию установления границ между «внутренним миром» личности и ее социальным окружением.

Дискуссия о «человеке советском»: социально-психологический взгляд

Проблема «человека советского» как травматической структуры субъективности, сформированной в условиях социализма (и недостроенного коммунизма) и латентно воспроизводимой сегодня в российском обществе, не исчезает из публичного дискурса на протяжении 30 лет, прошедших с момента распада СССР. Об актуальности этой темы свидетельствуют как современные арт-практики (в частности, скандально известный проект И. Хржановского «Дау»), так и многочисленные научные дискуссии, ведущая роль в которых принадлежит социологам (см. программу А. Н. Архангельского «Тем временем» на телеканале «Культура», выпуски: «Советское, антропологическое» и «Миллениалы и Homo Sovieticus»). Такое положение дел указывает на сложные и конфликтные процессы осмысления и конвенционализации советского прошлого в исторической и коллективной памяти, что было продемонстрировано в исследованиях Т. П. Емельяновой (Емельянова, 2019). Дискуссия вокруг проблемы «человека советского», имеющая большой резонанс в публичном и медийном пространствах, поднимает вопрос о двоемыслии в структуре массового сознания современного российского общества (а не только как эвристики в исследованиях социально-психологических различий между поколениями).

Советский человек (с важной приставкой «простой») — это идеально-типический инструмент исследования социального познания и поведения в советской повседневности, который получил наиболее тщательную разработку в трудах Ю. А. Левады и его учеников (ср. также с концепцией «блокадного сознания» А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского (Петровский, Ярошевский, 1998) как основополагающей характеристики советской ментальности, определяемой ими в качестве формы общественного сознания тоталитарного государства, насильственно внедряемой в структуру личности его граждан). Левада выделил следующие черты советского человека:

- принудительная самоизоляция;
- государственный патернализм;
- эгалитаристская иерархия;
- имперский синдром (Левада, 1993).

Однако названный психологический тип не разрушился вместе с СССР. Да, он перестал быть жестким нормативным образцом для идентификации, но не изменился из-за постепенной деградации тоталитарных институтов при «косметических» реформах и переименованиях. Последующие, уже российские поколения фактически воспроизводят имплицитные представления родителей (так сказать, евангельская метафора наоборот: «старое вино в новых мехах»), а трансляция образа советского человека определяется ригидностью институтов социализации. Л. Д. Гудков утверждает: «Дело не в том, чего хотят и как ведут себя молодые люди, а что с ними делают существующие социальные институты, в рамки которых молодежь так или иначе должна вписаться, принять их и жить по их правилам» (Гудков, 2016).

В противоположность школе Ю. А. Левады, В. В. Радаев на материале социологических опросов доказывает, что молодая группа поколения миллениалов (1991–2000 годы рождения), условно маркируемая аббревиатурой ЗС («смартфоны», «социальные сети», «спад экономики»), отличается от предшественников по целому набору параметров, к которым относятся: опыт использования цифровых технологий, тенденция откладывать значимые жизненные решения «на потом», здоровый образ жизни, более сдержанное отношение к религии, вера в гендерное равенство и ряд других. Главный вывод Радаева — признание гетерогенности поколения миллениалов при сохранении межпоколенческих различий (Радаев, 2020), что становится серьезным эмпирическим аргументом против гипотезы об институциональной «реставрации» советской ментальности.

Когнитивная полифазия выступает в роли психологического конструкта, который, на наш взгляд, может объяснить дискуссию о «человеке советском». В истории общества и культуры сосуществуют различные образы человека («советского» и «миллениала»), отражающие многоуровневость организации массового сознания. Интересно, что функции «монтажа» и воображаемой реконструкции коллективной и исторической памяти сегодня передаются кинематографу (как в фильме «4» того же И. Хржановского или недавнем «Северном ветре» Р. Литвиновой), который становится символическим средством копинга с травматическим опытом перехода (или «транзита») от советской повседневности к российской, и это обстоятельство можно считать одной из социально-психологических предпосылок всей социологической дискуссии о «человеке советском». А двоемыслие как его конституирующая характеристика является вариацией когнитивной полифазии в условиях определенного политического режима, устанавливающего границы артикуляции внешнего и внутреннего, публичного и частного, коллективного и индивидуального.

Когнитивная полифазия как преадаптация к социальной неопределенности

Предшественниками идеи когнитивной полифазии в истории отечественной мысли можно считать М. М. Бахтина и О. Э. Мандельштама, чьи размышления о диалоге, слове и культуре уже неоднократно интерпретировались с точки зре-

ния культурно-исторической психологии (прежде всего в работах В. П. Зинченко и А. Г. Асмолова). Бахтин использует понятие полифонии, а Мандельштам — глоссолалии. Как известно читателям, полифония, по открытию М. М. Бахтина, является важнейшей характеристикой романов Ф. М. Достоевского. Полифония — то есть «проведение темы по многим и разным голосам, принципиальная, так сказать, неотменимая многоголосость и разноголосость ее» (Бахтин, 2002, с. 296) — из литературоведения переносится современными психологами в структуру диалогической и нарративной идентичности (Белинская, 2018). А в теории социальных представлений она раскрывает диалогический характер социальных представлений, которые конструируются в типичных коммуникативных ситуациях («жанрах») повседневной жизни для объяснения и разрешения ее эпистемологических противоречий («темат») (Markova, 2003).

Глоссолалия, по Мандельштаму, — достояние поэта-пророка, раскрывающего тайны прошлого и будущего. «В священном исступлении поэты говорят на языке всех времен, всех культур. Нет ничего невозможного. Как комната умирающего открыта для всех, так дверь старого мира настежь распахнута перед толпой. Внезапно все стало достоянием общим... В глоссолалии самое поразительное, что говорящий не знает языка, на котором говорит. Он говорит на совершенно неизвестном языке» (Мандельштам, 1987, с. 42, 43). Глоссолалия — дар говорения на многих языках — объединяет элементы всех исторических культур, и отдельный индивид, усваивая социальные представления, также объединяет в структуре собственной идентичности культурные значения и чужие смыслы или «голоса», часто не подозревая об их происхождении. Социальные представления включают в себя мифологические, обыденные и научные убеждения, закрепленные в языковых практиках и принадлежащие как группе, так и ее отдельным членам.

Актуализация в культуре и обществе переходного периода когнитивной полифазии оборачивается спонтанным продуцированием множества смыслов, фантазмов и образов, буквально заполняющих культуру, науку, искусство и несущих потенциал преадаптации к неопределенности и социальным кризисам (Асмолов и др., 2018). В этом отношении расцвет авангарда и гуманитарных наук 1920-х гг. является не продолжением интеллектуальных традиций Серебряного века или освобождением от царского режима, который снесли революции 1917 г., а именно предчувствием, прогнозированием грядущих событий 1930-х гг. Недаром Бахтин и Мандельштам открывают феномены полифонии и глоссолалии, близкие по смыслу к понятию когнитивной полифазии в теории социальных представлений, именно в этот момент исторического времени.

То же самое происходит и после распада СССР. 1990–2000-е годы в нашей стране — внезапный расцвет постмодернизма в литературе (В. Пелевин, В. Сорокин, Т. Толстая), кинематографе (К. Муратова, А. Балабанов, И. Хржановский) и театре (К. Серебренников, К. Богомолов, Т. Кулябин). Т. Толстая пронципательно заметила в одном из интервью, что гостю из будущего будет сложно узнать наше время по художественным произведениям, ибо в них принципиально отсутствует реализм: все — гротеск, фантазм или антиутопия. Может быть, символы и образы постсоветского искусства следует считать не результатом освобождения от советской идеологии, а предчувствием тех радикальных сломов, которые наблюдаются по всему миру в связи с глобальной эпидемией и пандемией? В соответствии с допу-

щениями эстетической парадигмы (Марцинковская, 2016) следует предположить, что увиденное и превращенное художниками тогда случается с нами — сегодня. Когнитивная полифазия в культуре и искусстве создает пространство спонтанных образов, которые могут быть потенциально использованы как средства для ориентации в возрастающей неопределенности и преадаптации к ней, когда привычные категории мышления и рациональные способы прогнозирования социального будущего перестают работать.

Вместо постскрипума

В дальнейших теоретических и эмпирических исследованиях двоемыслия — как реализации механизма когнитивной полифазии — представляется перспективным изучение следующих его психологических функций.

1. Конструирования личного пространства в повседневной жизни, отличного от социального.

2. Установления границ «Я — общество» как формы защиты от социального контроля.

3. Спонтанного продуцирования образов как стратегии преодоления разрыва общекультурных значений и личностных смыслов.

Не менее важно подчеркнуть и двойственное значение когнитивной полифазии: с одной стороны, спонтанное продуцирование художественных образов и идей подготавливает потенциал преадаптации к социокультурным изменениям, но, с другой стороны, — это и тревожный знак, предсказывающий серьезный кризис, который грядет совсем скоро. Мы не умеем читать знаки и расшифровать их прогностическое значение в нужное время; его дается не более десяти, а максимум — двадцати лет, если судить по истории отечественной культуры. Ученые и художники оказываются в трагической позиции Кассандры:

Ты видела в нетщетном страхе,
Как вьется роковая нить.
Ты знала все, но пальцев пряхи
Ты не смогла остановить...
<...>
Но мщение судеб пророкам:
Все знать — и ничего не мочь.

Д. С. Мережковский

Литература

- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.
- Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. М.: Языки славянских культур, 2002.
- Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, № 1. С. 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
- Бовина И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.

- Бурлакова Н. С. О новых возможностях культурно-исторического анализа в клинической психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2012. № 2. С. 49–56.
- Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора: опыт исследования природы клинко-психологического знания. М.: Маска, 2011.
- Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005.
- Гудков Л. Д. «Повесть о советском человеке» // Ведомости. 2016. 28 декабря. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom> (дата обращения: 14.02.2022).
- Гусельцева М. С. Модернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8, № 4. С. 327–340. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>
- Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2019.
- Емельянова Т. П., Израелян Т. В. Феномен когнитивной полифазии в социальных представлениях о душевнобольных // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2021. Т. 18, № 2. С. 346–362. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-346-362>
- Лебина Н. Советская повседневность: Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Левада Ю. А. (ред.). Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мир; Океан, 1993.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008.
- Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Смысл, 2003.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2005.
- Мандельштам О. Э. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987.
- Марцинковская Т. Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.
- Нагибин Ю. М. Дневники. СПб.: Книжный сад, 1996.
- Ойстер К. Социальная психология групп. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004.
- Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989.
- Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 4. С. 31–60. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641>
- Соколова Е. Е. Тринадцать диалогов о психологии. М.: Смысл, 2021.
- Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: история, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Европейский дом, 2008.
- Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Ямпольский М. Муратова: опыт киноантропологии. М.: Сеанс, 2015.
- Ярошевский М. Г. Л. С. Выготский: в поисках новой психологии. М.: ЛКИ, 2007.
- Jovchelovitch S., Priego-Hernandez J. Cognitive polyphasia, knowledge encounters and public spheres // The Cambridge Handbook of Social Representations / eds. G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 163–178.
- Markova I. Dialogicality and social representations: the dynamics of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Moscovici S. La psychanalyse son image et son public. Paris: PUF, 1976.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 17 марта 2022 г.

Контактная информация:

Хорошилов Дмитрий Александрович — канд. психол. наук, доц.; d.khoroshilov@gmail.com

Cognitive polyphasia as a strategy for pre-adaptation to social changes*

D. A. Khoroshilov

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russian Federation

For citation: Khoroshilov D. A. Cognitive polyphasia as a strategy for pre-adaptation to social changes. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2022, vol. 12, issue 2, pp. 161–171. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.205> (In Russian)

The article analyzes the mechanism of cognitive polyphasia, considered in the context of S. Moscovici's theory of social representations. In social thinking coexist often incompatible with each other cognitive attitudes that enter into dynamic relationships with each other. The work of cognitive polyphasia can be traced on the example of doublethink in the history of Soviet everyday life. Doublethink is considered a characteristic of not only individual, but also social, mass consciousness (G. Orwell), which makes it possible to distinguish between the concepts of ambivalence (S. Freud), double messages (G. Bateson), and cognitive dissonance (L. Festinger). Using examples from Soviet history and culture, the following proposition is proved: doublethink is the practice of constructing a subject of social cognition and behavior under conditions of authoritarianism and totalitarianism. The diaries of the writer Yu. M. Nagibin. But doublethink is also being reproduced in post-Soviet Russia, as can be clearly seen from the sociological discussion about the "Soviet Man" (Homo Sovieticus). If the supporters of the scientific school of Yu. A. Levada and L. D. Gudkov believe that the implicit model of a person, constructed in Soviet everyday life, is quite stable and reproducible from Stalin's time up to the present day, new studies of "millennials" conducted at the Higher School of Economics under V. V. Radaev reveal differences between the generational groups of Russians in a number of value characteristics related to both the way of life and the perception of the surrounding world. Competing interpretations of the problem of "Soviet Man" are combined, according to the author of the article, with the help of the psychological concept of cognitive polyphasia. Doublethink as a specific historical form of cognitive polyphasia has, first of all, a prognostic function: the spontaneous generation of vivid images in culture and art, which has an "unofficial" and even marginal status, as in the avant-garde of the 1920s and postmodernism of the 1990s, has a pre-adaptive potential to future social changes and crises.

Keywords: doublethink, *Soviet Man*, cognitive polyphasia, social representations, preadaptation to uncertainty.

References

- Asmolov, A. G., Shekhter, E. D., Chernorizov, A. M. (2018). *Preadaptation to uncertainty: unpredictable routes of evolution*. Moscow, Akropol' Publ. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (2002). *Collected works: in 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's poetics, 1963. Works of the 1960s–1970s*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ. (In Russian)
- Belinskaia, E. P. (2018). Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Pedagogy*, 8 (1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101> (In Russian)
- Bovina, I. B. (2010). Social representations theory: history and the actual development. *Sociological journal*, 3, 5–20.
- Burlakova, N. S. (2012). On new possibilities of cultural-historical analysis in clinical psychology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*, 2, 49–56. (In Russian)

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-04-60072, "Psychological and social determinants of the negative consequences of a pandemic: a systematic analysis of the role of factors of long-term individual and social population compliance in minimizing harm from coronavirus infection".

- Burlakova, N. S., Oleshkevich, V. I. (2011). *The psychological concept of E. Erickson's identity in the mirror of the author's personal history: the experience of studying the nature of clinical and psychological knowledge*. Moscow, Maska Publ. (In Russian)
- Emel'ianova, T. P. (2019). *Collective memory about the events of Russian history: social psychological approach*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)
- Emel'ianova, T. P., Israelian, T. V. (2021). The phenomenon of cognitive polyphasia in social representations on the mentally ill. *Vestnik RUDN. Ser.: Psikhologiya i pedagogika*, 18, 346–362. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-346-362> (In Russian)
- Firsov, B. M. (2008). Diversity of thinking in the USSR 1940s–1960s: history, theory and practices. St Petersburg, European University in Saint Petersburg Press; Evropeiskii dom Publ. (In Russian)
- Gudkov, L. D. (2016). A story about a soviet man. *Vedomosti*, December 28. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom> (accessed: 14.02.2022). (In Russian)
- Guseltseva, M. S. (2018). Metamodernism in psychology: new methodological strategies and changes of subjectivity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 8, 4, 327–340. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402> (In Russian)
- Jovchelovitch, S., Priego-Hernandez, J. (2015). Cognitive polyphasia, knowledge encounters and public spheres. In: Sammut G., Andreouli E., Gaskell G., Valsiner J. (eds). *The Cambridge Handbook of Social Representations* (pp. 163–178), Cambridge, Cambridge University Press.
- Kharkhordin, O. (2002). *Reveal and dissimulate: a genealogy of the Russian personality*. St Petersburg, European University in Saint Petersburg Press. (In Russian)
- Lebina, N. (2015). *Soviet everyday life. Norms and anomalies. From war communism to grand style*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Leontiev, A. N. (2003). *Study of development of the mind*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Leontiev, A. N. (2005). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, Smysl Publ.; Akademiia Publ. (In Russian)
- Levada, Yu. A., ed. (1993). *Soviet ordinary man: experience of social portrait of 90s*. Moscow, Mir Publ.; Okean Publ. (In Russian)
- Levi-Strauss, C. (2008). *Structural Anthropology*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Mandel'shtam, O. E. (1987). *Word and culture*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ. (In Russian)
- Markova, I. (2003). *Dialogicality and social representations: the dynamics of mind*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Martsinkovskaya, T. D. (2016). *Culture and subculture in the space of the psychological chronotope*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Moscovici, S. (1976). *La psychanalyse son image et son public*. Paris, PUF.
- Nagibin, Yu. M. (1996). *Diaries*. St Petersburg, Knizhnyi sad Publ. (In Russian)
- Orwell, G. (1989). “1984” and essays. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Oyster, C. (2004). *Social psychology of groups*. St Petersburg, Praim-Evroznak Publ. (In Russian)
- Paperno, I. (2021). *Stories of the soviet experience: memoirs, diaries, dreams*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Papernyi, V. (2000). *Culture Two*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Petrovsky, A. V., Yaroshevsky, M. G. (1998). *Fundamentals of theoretical psychology*. Moscow, Infra-M Publ. (In Russian)
- Radaev, V. V. (2020). The divide among the millennial generation: historical and empirical justifications (part two). *Sotsiologicheskii zhurnal*, 26, 4, 31–60. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641> (In Russian)
- Sokolova, E. E. (2021). Thirteen dialogues about psychology. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Vygotsky, L. S. (2005). *Psychology of human development*. Moscow, Smysl Publ.; Eksmo Publ. (In Russian)
- Yampolsky, M. (2015). *Muratova: the experience of film anthropology*. Moscow, Seans Publ. (In Russian)
- Yaroshevskii, M. G. (2007). *L. S. Vygotsky in search of new psychology*. Moscow, LKI Publ. (In Russian)
- Yurchak, A. (2014). *Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)

Received: February 20, 2022

Accepted: March 17, 2022

Author's information:

Dmitry A. Khoroshilov — PhD in Psychology, Associate Professor; d.khoroshilov@gmail.com